

К ВОПРОСУ О НАРРАТИВИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ФИЛИПА РОТА

З.А. Кургиян

*Научный руководитель: Т.Н. Амирян,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
(Российско-Армянский университет, Ереван)*

В статье анализируются способы репрезентации феномена личной и коллективной памяти в романах «Призрак писателя» (1979) и «Цукерман освобожденный» (1981) американского прозаика Филипа Рота. Герой романов Натан Цукерман выстраивает автобиографический нарратив одновременно сквозь призму прошлого большого коллектива, нации и личной истории, которая отсылает читателя к биографии самого Ф. Рота. Нарративизация травматического опыта Холокоста и сложности в поиске собственной идентичности, вызванные происхождением Натана Цукермана, актуализируются в романах не только ретроспективно, но и посредством фрагментарной и проспективной памяти.

Ключевые слова: нарративизация; коллективная память; индивидуальная память; постпамять; Филип Рот.

Актуализация прошлого и многочисленные попытки его репрезентации в культуре посредством обращений к историческим событиям подтверждают тезис о том, что в современной культуре феномен памяти является объектом особого интереса. Вопрос о способах сохранения и о формах передачи памяти приобрел особую актуальность в связи с катастрофическими событиями второй половины XX века, которые стали травматическими как для очевидцев, так и для последующих поколений (например, массовые убийства евреев нацистами). Американский литературовед Марианна Хирш в работе о постпамяти дает собственное определение данному феномену и говорит о таких доминирующих идеях в эстетике постпамяти, как пустота, тишина и неизвестность: «Постпамять – не движение, метод или идея; я определяю ее скорее как механизм передачи травматического знания и материализованного опыта. Этот процесс происходит между и внутри поколений, затрагивает постконфликтную психологию и социальное взаимодействие. Это результат воспоминаний о травматических событиях, но в отличие от синдрома посттравматического расстройства эти воспоминания принадлежат другому поколению и даже другой местности или стране» [Хирш 2016].

В связи с этим, существует тенденция к созданию особой мемориальной или коммеморативной культуры и к исследованиям в области memory studies. Кроме того, в центре внимания гуманитарных наук и современного искусства и литературы становится вопрос субъекта,

личного переживания большой истории. Это связано с недоверием к большим нарративам, к учебникам истории, к общепринятым способам репрезентации прошлого и с попытками отхода от устоявшихся идеологических и эпистемологических структур.

Одним из выдающихся писателей XX–XXI вв., ведущих в своих романах поиски новых форм передачи исторической и личной памяти, является американец Филип Рот (1933–2018). Для Рота почти всегда сюжетным центром его прозы становится травматический опыт Холокоста и вопрос самоопределения еврейского народа после трагедии XX в. В цикле романов о Натане Цукермане («Призрак писателя», 1979; «Цукерман освобожденный», 1981; «Урок анатомии», 1983, и др.) он ставит вопросы национальной идентичности евреев, проживающих на территории США. В «Призраке писателя» и «Освобожденном Цукермане» Натан выстраивает собственный автобиографический нарратив одновременно сквозь призму прошлого своей семьи, нации и личной истории, которая отсылает читателя к биографии самого Филипа Рота. О своеобразной форме автобиографической прозы позволяет говорить не только ряд важных параллелей между биографией писателя и его романного героя, но также образ персонажа-писателя. С помощью художественного, фикционального произведения Рот пытается отрефлексировать и осмыслить собственную биографию.

Натан Цукерман родился в обеспеченном районе Ньюарка, в добропорядочной еврейской семье. Его родители были достаточно крепко связаны с национальными корнями, и в воспитании детей они также придерживались позиции сохранения связи с прошлым как с важнейшим элементом формирования идентичности (Цукерман изучал иврит, его мать готовила национальные блюда, родственники часто говорили об опасности межнациональных браков и т.д.). Однако, сохраняя собственную национальную идентичность, члены его семьи стремились к реализации «американской мечты», радуясь достижениям сына в учебе и врачебному успеху отца. Желание родителей чтить собственную образцовость и реабилитироваться в глазах американской общественности вызвано травмами культурной памяти и обусловленным ими комплексом стыда: «Не надо ничего бояться, опасаться, что тебя обидят. <...> И стыдиться ничего не надо. <...> Бывает и в этом – многие молодые люди пытаются скрыть свое еврейское происхождение» [Рот 2018: 172].

В своем эссе «Мы беженцы» Ханна Арендт пишет об этом опыте интеграции и поисках собственного «Я» среди евреев, спасшихся от Холокоста и переселившихся в США. Мысль философа, пересекаясь с опытом очевидца приходит к следующим рассуждениям: «Не имея храбрости сражаться за изменение нашего социального и юридического статуса, многие из нас приняли решение об изменении идентичности. И

это любопытное поведение делает все еще хуже. Эта путаница, в которой мы живем, частично создана нами самостоятельно. <...> Отчаянное замешательство этих Улиссов-скитальцев, которые, в отличие от своего прототипа, не знают, кто они, легко объясняется их чудесной манерой отказываться “удерживать” свою идентичность. <...> Мы, как люди с навязчивой идеей, коим нельзя помочь, продолжаем пытаться спрятать воображаемое клеймо» [Арендт 2016].

Натан Цукерман считал себя носителем преимущественно американской идентичности и зачастую относился к вопросу еврейского самоопределения с некоторой иронией и даже высокомерием («...в хорошей местной школе и в прекрасном университете я показал те результаты, каких и ожидали от меня поколения предков» [Рот 2018: 14]), пока однажды не прочитал роман Э.И. Лоноффа, писателя, который нарративизировал травматический опыт евреев и создавал в своих произведениях образ еврея-отшельника: «Когда я впервые читал сочинения Лоноффа, они лучше помогли мне понять, что я все еще отпрыск своей еврейской семьи» [Рот 2018: 21]. Он почувствовал потребность в установке связи с прошлым и рефлексивной переработке этого прошлого: «...я анализировал стиль Лоноффа, но ни с кем не делился пробужденным им во мне ощущением родства с нашим уже существенно американизированным кланом; ...более того, ощущением родства с нашими благочестивыми неведомыми предками» [Рот 2018: 22].

Пытаясь провести реконструкцию судьбы своих предков и воспроизвести их травматический опыт, Натан понимает, что его родители, не являясь очевидцами Холокоста, тем не менее испытывают страх и стыд, вызванный болевым эмоциональным шоком: «Гордость, какую испытали мои родители, когда в 1948 году в Палестине была объявлена новая родина, где могли собраться все европейские евреи, кого не успели убить, по сути была схожа с той, что испытал я, когда впервые столкнулся с покоренными, скрытными, плененными душами в книгах Лоноффа и понял: из того унижения, от которого так стремился избавить нас мой собственный отец, труженик и смутьян, может беззастенчиво вырасти такая суровая и пронзительная литература» [Рот 2018: 22].

Родители Цукермана, вытесняя и замалчивая собственную травму, никогда не делились с ним своими переживаниями относительно прошлого. Однако во время обсуждения написанного Цукерманом рассказа, который в «Цукермане освобожденном» стал скандальным романом «Карновский» и в котором их еврейская семья была представлена не в самом лучшем свете, отец не смог промолчать и выразил свою позицию: «Вот я думаю, понимаешь ли ты до конца, как мало в этом мире любви к евреям. <...> Натан, твой рассказ — с точки зрения гоев — он про одно, и только про одно. Выслушай меня напоследок.

Про жидов. Про жидов и их любовь к деньгам» [Рот 2018: 123].

Таким образом, Натан, выстраивая в своем рассказе собственный семейный нарратив, который во многом конфликтует с родительским дискурсом и поэтому может быть отнесен скорее к ассоциативной памяти, конструирует альтернативный вариант прошлого – т.н. контрпамять (ниже диалог Натана с матерью, которая была также расстроена его рассказом):

– Он же только об одном: что случается с евреями...

– В Европе, а не в Ньюарке! Мы же не узники Бельзена! Мы не жертвы тех преступлений!

– Но мы могли ими быть, окажись мы на их месте. Натан, ты же знаешь, сколько было насилия над евреями!

– Мам, хочешь знать, какому физическому насилию подвергаются евреи в Ньюарке, сходи к пластическому хирургу, где девочкам носы переделывают. Вот где в округе Эссекс льется еврейская кровь. <...> Евреям выпадали потрясения посерьезнее, чем те, что у меня в рассказе [Рот 2018: 139].

Кроме того, в романе также работает следующий рекурсивный прием: писатель Филип Рот приводит писателя Цукермана, который вдруг передает речь другому «писателю» собственной биографии Лоноффу, который, в свою очередь, ассоциирует себя с автором другой автобиографии и т.д. Подобная форма интертекстуальности напоминает литературный мизанабим. Именно с помощью такого эффекта раздробления субъекта на разные повествовательные инстанции и их дальнейшего диалогического отношения происходит реконструкция не только самого исторического прошлого, но и формы личной памяти. Кроме того, персонаж продолжает говорить о своей идентичности, обращаясь к опыту прочтения романов. Это создает ситуацию множественной самоидентификации (писатель – персонаж, персонаж – читатель), которая расширяет автофикциональную повествовательную возможность Рота.

Во время встречи с писателем Лоноффом Натан Цукерман знакомится с девушкой по имени Эми Беллет, к которой он проникается симпатией и интересом. Она признается ему в том, что ассоциирует себя с той самой Анной Франк, еврейской девочкой, пережившей Освенцим. Осознавая границы своей идентичности, Эми создает убедительную легенду собственного прошлого для того, чтобы забыть то, чего с ней не случилось. Марианна Хирш в статье «Память и контрпамять будущего», определяя феномен постпамяти, также говорит о том, что «поколение после» часто присваивает себе воображаемые воспоминания, вытесняя собственные: «Потомки очевидцев и сообщества, пережившие сильные коллективные потрясения, такие как война, геноцид или массовое насилие, часто живут с ощущением того, что их культурное поле сформировано под воздействием произошедших еще до их рождения

травматических событий. Тем не менее, переживают они эти события не в форме воспоминаний, а в форме постпамяти, то есть в виде отложенного события, качество и темпоральность которого были изменены под воздействием последующего коллективного и индивидуального опыта. Постпамять описывает отношения между “поколением после” и персональными, коллективными или культурными травмами “поколения до”. <...> Посредством этой трансформации “поколение после” усваивает эти воспоминания так глубоко и аффективно, что начинает считать их своими. Поэтому постпамять скорее описывает отношения с прошлым, которые происходят не из воспоминаний, а из воображаемого» [Хирш 2017].

На примере Эми Беллет мы можем выстроить этапы переживания травмы непосредственным участником Холокоста. Вытесняя травму молчанием, Эми-Анна Франк ведет личный дневник, который выполняет психотерапевтическую функцию вербализации трагического опыта. Она начинает новую жизнь, меняет свое имя, пытается забыть случившееся: «Она взяла новое имя не для того, чтобы скрыть свое истинное – тогда в этом еще не было нужды, – а чтобы, так она тогда предполагала, забыть свою жизнь» [Рот 2018: 164]; «После Бельзена, поняла она, лучше всего, если между ней и тем, что ей нужно забыть, будет океан размером с Атлантику» [Рот 2018: 166]. Исследователи памяти как культурного и социального явления выделяют немоту и забвение как одну из самых частотных стратегий, используемых носителями травмы для ее вытеснения («“Немота” свидетелей Холокоста, связанная с неспособностью человека вместить опыт смерти в сознание и повседневную жизнь, имела в данном случае также конкретные макропсихологические, социологические, политические причины» [Адельгейм 2018]). Эми-Анна Франк испытывала подобный опыт молчания и забывания после пережитых травматических событий: «После смерти Марго она уже не могла вспомнить женщин, которые ей помогали, и не знала, что с ними случилось» [Рот 2018: 169].

Рот создает фрагментарный нарратив о памяти, в котором забывание (утрата памяти, лакуны) становится частью или типом воспоминаний. Таким образом, Рот не реконструирует линейную историю прошлого, как в исторических романах или в автобиографии, а создает более естественную для человеческой памяти форму репрезентации. В «Освобожденном Цукермане» литературный агент уже добившегося писательского успеха Натана так комментирует его психологическое состояние: «Даже если ты сам восстал против своего прошлого, то, что происходит, когда восстаешь против своего прошлого, огорошивает всех» [Рот 2019: 163]. После смерти отца, который так и не смог простить сына за его провокационные романы, ставящие под сомнение еврейские

ценности, Натан прибегает к тому же забыванию: «Забудь отцов, сказал он себе. Во множественном числе» [Рот 2019: 264]; «Ты уже не сын отца, не муж хорошей женщины, не брат брата, и теперь ты ниоткуда» [Рот 2019: 296].

В романах неоднократно возникают эпизоды, в которых Цукерман конструирует события своего будущего, тем самым создавая собственную историю о том, что должно случиться (эти отрывки возникают в тексте спонтанно и обычно выделены курсивом): «Дорогие мама и папа! Мы уже три дня у отца Анны. Они оба с нашего приезда так тронуты, так взволнованы...» [Рот 2018: 208]. Здесь Цукерман затрагивает память на намерения, опираясь на свое прошлое и настоящее, он предполагает будущие воспоминания; он создает автонарратив, обращаясь к так называемой проспективной памяти. Исследовательница мемориальной культуры Оксана Мороз в своих лекциях часто обращается к понятию проспективной памяти, введенному Керен Тененбойм-Вайнблатт: «Она пишет про новый тип, как ей кажется, коллективной культурной памяти, который она называет проспективной. <...> Мы чаще всего говорим о наличии ретроспективной памяти – памяти о прошлом. Нам кажется, что это единственный нормальный способ говорить о коллективных способах припоминания. <...> Проспективная память – это система припоминания, которая, отталкиваясь от того, что люди знают о своем настоящем и своем прошлом, готова предположить необходимые действия для построения будущего, которое будет согласовываться с нашими представлениями о том, что такое нормальная жизнь и из чего она произрастает» [Мороз 2019].

Таким образом, нарративизация травматического опыта Холокоста и сложности в самоопределении, вызванные еврейским происхождением Цукермана, актуализируются в романе не только ретроспективно, но и посредством фрагментарной и проспективной памяти.

Список литературы

Адельгейм И.Е. Опыт наследования памяти о Холокосте и психологические функции его нарративизации в прозе Магдалены Тулли // Славянский альманах. – 2018. – № 1-2. – С. 338–352.

Арендт Х. Мы беженцы / пер. Е. Монастырского // Гефтер : интернет-журнал. – 15.06.2016 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/18962> (дата обращения: 23.01.2020).

Мороз О.В. Проспективная память и смерть // ПостНаука. – 6 ноября 2019 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/103263> (дата обращения: 23.01.2020).

Рот Ф. Призрак писателя. – М. : Книжники, 2018. – 235 с.

Рот Ф. Цукерман освобожденный. – М. : Книжники, 2019. – 298 с.

Хирш 2017 – Память и контрпамять будущего. Конспект лекции Марианны Хирш / Е. Суверина // Уроки истории XX век : интернет-журнал. – 17 августа 2017

[электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53875> (дата обращения: 23.01.2020).

Хириш М. Что такое постпамять / пер. К. Харланова // Уроки истории XX век : интернет-журнал. – 17 июня 2016 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 23.01.2020).

ON THE NARRATIVIZATION OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE MEMORY IN PHILIP ROTH'S NOVELS

We consider the ways to represent the phenomenon of individual and collective memory in Philip Roth's novels "The Ghost Writer" (1979) and "Zuckerman Unbound" (1981). Nathan Zuckerman, the protagonist and the narrator of these novels, constructs his autobiographical narrative using the story of both the large groups, his nation and himself, the latter referring to Roth's own biography. This narrative contains the traumatic experience of the Holocaust as well as self-identity issues caused by Nathan Zuckerman's origins. In addition to retrospective, Roth uses also fragmented and prospective memories to reveal this experience.

Key words: narrativization; collective memory; individual memory; postmemory; Philip Roth.

УДК 821.111

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОСТРОВНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Й. БЭНКСА «ОСИНАЯ ФАБРИКА»

М.Н. Думчева

*Научный руководитель: А.И. Кузнецова,
кандидат филологических наук, доцент (МПГУ)*

В статье анализируется художественное пространство романа Й. Бэнкса «Осиная Фабрика» и роль предметов-символов, расположенных на основном пространственном локусе – острове. Делаются выводы о художественном значении каждого предмета-символа и его функции в раскрытии мотивов действий главного героя, выявляется связь между созданными героем объектами и внешним сюжетом романа.

Ключевые слова: Йен Бэнкс; «Осиная Фабрика»; предмет-символ; остров; ритуал; художественное пространство; современный британский роман.

Дебютный роман шотландского писателя Йена Бэнкса (Iain Banks, 1954–2013) «Осиная Фабрика» (*The Wasp Factory*, 1984) незамедлительно стал поводом для обсуждения в передовых британских таблоидах. Например, издание *The Independent* включило роман «Осиная Фабрика» в сотню лучших книг XX века, а одна из самых популярных газет в мире – *The Times* – в 2008 году внесла Й. Бэнкса в список «50 лучших писателей с 1945 года».

Действие романа «Осиная Фабрика» разворачивается на острове, который не имеет названия. Его единственными обитателями является семья Колдхеймов. Старший сын долгое время находился в